

ВОСПОМИНАНИЯ ОБ АРАБСКОЙ РАБОТОРГОВЛЕ И МЕЖЭТНИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ ТАНЗАНИИ: МЕЖДУ СЕМЕЙНОЙ ТРАВМОЙ И ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКОЙ ТОЛЕРАНТНОСТИ

Анастасия Алексеевна Банщикова

Институт Африки РАН
30/1 Спиридоновка ул., Москва, Россия
Российский государственный гуманитарный университет
6 Миусская пл., Москва, Россия
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
21/4 Старая Басманная ул., Москва, Россия
senet_m_ta@mail.ru

Оксана Васильевна Иванченко

Институт Африки РАН
30/1 Спиридоновка ул., Москва, Россия
Российский государственный гуманитарный университет
6 Миусская пл., Москва, Россия
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
21/4 Старая Басманная ул., Москва, Россия
ayleen@yandex.ru

Аннотация: Статья освещает результаты полевого исследования, проведенного авторами в Танзании в августе-сентябре 2018 г. и посвященного воспоминаниям об арабской работорговле в Восточной Африке и Индийском океане в XIX в. и их влиянию на современные межэтнические отношения в стране. Были собраны формальные и неформальные (по большей части глубинные) интервью в городах Дар-эс-Салам, Багамойи и Занзибар. В целом мнения респондентов разделились практически поровну: половина опрошенных считает, что отношения между афротанзанийцами и аработанзанийцами совершенно нормальные, вторая половина отмечает наличие трений и сложностей. Можно проследить общие моменты, паттерны в восприятии респондентов. Для каждого конкретного человека история арабской работорговли оказывается между семейной травмой (если она имела место непосредственно или в ближайшем окружении) и государственной политикой толерантности, недопущения дискриминации, проводимой государством. Так, в школьных учебниках вина за работорговлю возлагается на европейцев, а сама она парадоксальным образом позиционируется как часть колониального прошлого страны (после чего акцент делается на его преодолении). Однако носители устной традиции помнят о страданиях предков во всей полноте, и их восприятие гораздо меньше поддается «цензуре» в пользу эффективного нацистроительства и толерантного общества. Люди с семейной травмой и низким уровнем образования оказываются наименее толерантной по отношению к аработанзанийцам частью населения страны.

Ключевые слова: Танзания, культурная (коллективная) травма, репрезентация и актуализация межгрупповых отношений, конструирование группового образа, арабы, работорговля.

Благодарности: Исследование выполнено при поддержке проекта РНФ 18-18-00454 «Историческая память как фактор эволюции социально-политических систем (Субсахарская Африка и Мезоамерика)».

Для ссылок: Банщикова А.А., Иванченко О.В. Воспоминания об арабской работорговле и межэтнические отношения в современной Танзании: между семейной травмой и государственной политикой толерантности // Антропологический форум. 2020. № 44. С. 83–113.

doi: 10.31250/1815-8870-2020-16-44-83-113

URL: http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/044/banshchikova_ivanchenko.pdf

**HISTORICAL MEMORY ABOUT THE ARAB SLAVE TRADE
IN MODERN-DAY TANZANIA: BETWEEN FAMILY TRAUMA
AND STATE-PLANTED TOLERANCE**

Anastasia Banshchikova

Institute for African Studies,
Russian Academy of Sciences
30/1 Spiridonovka Str., Moscow, Russia
Russian State University for the Humanities
6 Miusskaya Sq., Moscow, Russia
National Research University Higher School of Economics
21/4 Staraya Basmannaya Str., Moscow, Russia
senet_m_ta@mail.ru

Oxana Ivanchenko

Institute for African Studies,
Russian Academy of Sciences
30/1 Spiridonovka Str., Moscow, Russia
Russian State University for the Humanities
6 Miusskaya Sq., Moscow, Russia
National Research University Higher School of Economics
21/4 Staraya Basmannaya Str., Moscow, Russia
ayleen@yandex.ru

Abstract: The article discusses the results of field research conducted in Tanzania from August 24 to September 14, 2018, which focused on the historical memory of the Arab slave trade in East Africa and the Indian Ocean in the 19th century, as well as its influence on the interethnic relations in the country today. Structured and nonstructured interviews (mostly in-depth) were conducted in Dar es Salaam, Bagamoyo and Zanzibar. In general, opinions were almost equally divided: half of the respondents were convinced that the relations were good overall, while the other half believed that there are some tensions. Since both positions are well-argued and substantiated, it is possible to trace a number of patterns in the people's perception. The history of the Arab slave trade lies between family trauma on the one hand, and tolerance, non-discrimination imposed by the state, on the other. Two ways of reproducing the historical memory largely oppose each other: the school system places the blame on Europeans, promoting peaceful interethnic relations, presenting the slave trade as an essential part of colonialism, and subsequently emphasizing the story of overcoming the colonial past; meanwhile, the oral tradition censors nothing and tells the history of the ancestors' suffering in its entirety. Thus, bearers of the oral tradition with a low level of education turn to be the most vulnerable category; they become the least tolerant to the Arab-Tanzanian part of the country's population.

Keywords: Tanzania, cultural (collective) trauma, representation and actualization of interethnic relations, construction of collective image, Arabs, slave trade.

Acknowledgments: The research is supported by the Russian Science Foundation, grant no. 18-18-00454 "Historical memory as a factor in the evolution of socio-political systems (Sub-Saharan Africa and Mesoamerica)".

To cite: Banshchikova A., Ivanchenko O., 'Vospominaniya ob arabskoy rabotorgovle i mezhetnicheskie otnosheniya v sovremennoy Tanzanii: mezhdru semeynoy travmoy i gosudarstvennoy politikoy tolerantnosti Historical' [Memory about the Arab Slave Trade in Modern-Day Tanzania: Between Family Trauma and State-Planted Tolerance], *Antropologicheskij forum*, 2020, no. 44, pp. 83–113.

doi: 10.31250/1815-8870-2020-16-44-83-113

URL: http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/044/banshchikova_ivanchenko.pdf

Анастасия Банщикова, Оксана Иванченко

Воспоминания об арабской работорговле и межэтнические отношения в современной Танзании: между семейной травмой и государственной политикой толерантности

Статья освещает результаты полевого исследования, проведенного авторами в Танзании в августе-сентябре 2018 г. и посвященного воспоминаниям об арабской работорговле в Восточной Африке и Индийском океане в XIX в. и их влиянию на современные межэтнические отношения в стране. Были собраны формальные и неформальные (по большей части глубинные) интервью в городах Дар-эс-Салам, Багамойо и Занзибар. В целом мнения респондентов разделились практически поровну: половина опрошенных считает, что отношения между афротанзанийцами и аработанзанийцами совершенно нормальные, вторая половина отмечает наличие трений и сложностей. Можно проследить общие моменты, паттерны в восприятии респондентов. Для каждого конкретного человека история арабской работорговли оказывается между семейной травмой (если она имела место непосредственно или в ближайшем окружении) и государственной политикой толерантности, недопущения дискриминации, проводимой государством. Так, в школьных учебниках вина за работорговлю возлагается на европейцев, а сама она парадоксальным образом позиционируется как часть колониального прошлого страны (после чего акцент делается на его преодолении). Однако носители устной традиции помнят о страданиях предков во всей полноте, и их восприятие гораздо меньше поддается «цензуре» в пользу эффективного нацистротительства и толерантного общества. Люди с семейной травмой и низким уровнем образования оказываются наименее толерантной по отношению к аработанзанийцам частью населения страны.

Ключевые слова: Танзания, культурная (коллективная) травма, репрезентация и актуализация межгрупповых отношений, конструирование группового образа, арабы, работорговля.

Проблематика исследования: «танзанийцы» и «арабы» в современной Танзании

Анастасия Алексеевна Банщикова

Институт Африки РАН /
Российский государственный
гуманитарный университет /
Национальный исследовательский
университет
«Высшая школа экономики»,
Москва, Россия
senet_m_ta@mail.ru

Оксана Васильевна Иванченко

Институт Африки РАН /
Российский государственный
гуманитарный университет /
Национальный исследовательский
университет
«Высшая школа экономики»,
Москва, Россия
ayleen@yandex.ru

Настоящая работа посвящена лишь одному из элементов системы межэтнических отношений Танзании, в целом представляющих собой сложный эволюционирующий комплекс, включающий, что сейчас особенно существенно для нас, глубоко укоренное в сознании всех групп граждан Танзании представление об афротанзанийцах и меньшинствах неафриканского происхождения (арабов, индийцев¹, китайцев, европейцев) как об отдельных общностях внутри политической общности граждан Танзании [Иванченко 2013: 53–54]. Даже сам термин «танзанийцы» (Tanzanians) широко употреб-

¹ Обособленность жизни индийской общины в сочетании с более высоким уровнем дохода также становится причиной некоторых трений. Индотанзанийцы оказываются с отрывом наименее интегрированными в танзанийское общество с точки зрения афротанзанийцев [Халтурина, Коротаев 2008: 33] (см. также: [Львова 2005; Дронова 2014]).

ляется в неполитическом смысле как охватывающий лишь афротанзанийцев (см. подробнее ниже). Современное состояние отношений между представителями этих общностей можно в целом назвать весьма стабильным и благоприятным¹, но само различие между ними устойчиво сохраняется². В настоящей работе исследуется память о работорговле как фактор, влияющий на тренды восприятия, распространенные среди афротанзанийцев по отношению к арабам, и материал, привлекаемый в качестве мотивировки этого восприятия (вопрос о восприятии тех же явлений самими арабами — тема отдельного исследования). Основой послужили данные, собранные в ходе полевого исследования, проведенного А.А. Банщиковой и О.В. Иванченко в Танзании с 24 августа по 14 сентября 2018 г. Оно было посвящено восприятию и осмыслению арабской работорговли XIX в. в общественном сознании в контексте современных взаимоотношений между собственно танзанийцами (афротанзанийцами [Коротаев, Халтурина 2008: 14–15]) и арабами, живущими в стране. Прежде всего необходимо подробнее объяснить сами эти термины в контексте этнокультурной ситуации в Танзании и соответствующего само- и иноопределения ее жителей, окончательно сложившегося уже в середине XX в. В массовом представлении жителей страны есть собственно «танзанийцы» (в более узком смысле слова, чем все граждане Танзании³) и отличные от них группы проживающих в стране людей (будь то граждане Танзании или нет), прежде всего «арабы» и «индийцы». Различие между «танзанийцами» и «арабами» проводится прежде всего по внешним, расово-антропологическим признакам, увязываемым с представле-

---

¹ Исследования 2017 г. показывают, что абсолютное большинство танзанийцев не сталкивались с дискриминацией по религиозному признаку или по признаку этнического происхождения, три четверти респондентов были бы рады видеть своими соседями последователей другой религии или людей отличного этнического происхождения [Afrobarometer 2017: 61].

² Так, один из респондентов в полевом исследовании авторов, человек арабского происхождения с довольно выраженным соответствующим фенотипом, сказал, что родился и всю жизнь прожил в Танзании и считает себя ньямвези, однако не может указать это, к примеру, при заполнении бумаг в полиции, поскольку внешность выдает в нем араба, поэтому ему приходится так себя и определять.

³ Респонденты систематически употребляют слово “Tanzanians” в значении, противопоставляемом «арабам» (Arabs) Танзании, независимо от того, являются ли эти «арабы» гражданами страны и как долго жили на ее территории их предки. В качестве синонима термина “Tanzanians” в этом смысле употребляется выражение “Africans”. Один из респондентов с исчерпывающей ясностью ответил на прямой вопрос о том, входят ли арабы — граждане Танзании в единую танзанийскую нацию: «Для большинства людей это так на уровне политики, на правительственном уровне. Как одна нация, это означало бы нечто вроде того, что арабы тоже танзанийцы... Ну да. Когда дело рассматривается на политическом уровне, это нормально, но в повседневной жизни они [арабы — граждане Танзании. — А.Б., О.И.] не рассматриваются как танзанийцы обычными людьми. Те говорят: “А, мварабу”, “это араб”. Вот так получается». Здесь совершенно ясно выражена мысль, что «арабы» — граждане страны входят в «политическую нацию» Танзании, но не в этническую (по своей сути) общность “Tanzanians”.

ниями об исторических реалиях: под «арабами» подразумеваются удержавшие фенотип предков потомки реальных этнических арабов, селившихся на территории Танзании на протяжении нескольких последних веков (прежде всего в связи с активностью и властью Оманского султаната), а также арабы, прибывшие на территорию Танзании и живущие там в последние десятилетия. Происхождение предков как таковое принципиальной роли в этом противопоставлении «танзанийцев» и «арабов» не играет: именно в общность «танзанийцев» входит так называемая группа «ширази», хотя принадлежащие к ней семьи возводятся (в каких-то случаях, очевидно, в соответствии с истиной, в каких-то — на основании давно вымышленного приписывания к этой группе) к выходцам из Персии многовековой давности, но это не мешает ширази уверенно рассматриваться как часть именно «танзанийцев», а не «арабов», так как ширази имеют общий с прочими танзанийцами фенотип. Дифференциация между «танзанийцами» и «арабами» не проходит также ни по религиозному признаку (множество «танзанийцев» — носители тех же толков ислама, что и «арабы»), ни по языковому (есть огромное количество семей, живущих в стране многие поколения и знающих как родной язык только суахили)¹, ни по одежде (например, традиционную арабскую одежду носят не все «арабы», зато ее же носят многие «танзанийцы»-мусульмане). Категория «арабов» выделяется и противопоставляется «танзанийцам» (как потомки пришельцев, остающиеся этнически чужаками, — неким коренным жителям) прежде всего по внешности в совокупности с представлениями о связи этой внешности с определенным местом предков ее носителей в истории Танзании. Таким образом, это противопоставление имеет «идеологический» оттенок, связанный уже не с актуально наблюдаемыми отличиями «араба» от всякого «танзанийца», а с представлениями об истории страны и о месте предков тех или иных семей в этой истории. Без таких представлений сама по себе разница во внешности едва ли могла бы привести, например, к восприятию тех арабов, что живут в стране на протяжении многих поколений и полностью перешли на суахили, как части именно «арабов», а не «танзанийцев». Тем самым, для того чтобы смысл обсуждаемого самоотличения «танзанийцев» от «арабов» был ясен, необходимо проследить ход и значение миграций арабов на территорию региона.

¹ Это влияет лишь на вариативное выделение различных групп внутри самой категории «арабы» — по «степени суахилизации» и давности проживания в стране, ср. [Glassman 1995: 33; Коротаяев, Халтурина 2008: 13].

История вопроса: арабы на территории Танзании, их роль в работорговле и формирование современной межэтнической ситуации

Появление арабов на территории Танзании

Изначально доисламские арабские поселения на территории современной Танзании имели временный характер и были связаны исключительно с торговлей. Арабские купцы вывозили из Африки слоновую кость, черепаши панцири, рога носорогов и кокосовое масло, в обмен они привозили местному населению орудия труда и оружие, изготовленные из железа, а также стеклянную посуду [Bennett 1978: 6]. Новый значительный приток арабов на побережье Восточной Африки имел место уже после появления ислама. Местные арабы (первые переселенцы, уже ассимилированные местным населением) также были обращены в ислам. С течением веков к ним присоединялись волны мусульманских мигрантов, состоящих из аравийских арабов, персов, индийцев, сирийцев и др. В основном это были торговцы, путешествовавшие по путям, связывавшим африканское и аравийское побережья Индийского океана. Распространение ислама положительно повлияло на торговлю (так как это единственная мировая религия, позитивно относящаяся к торговле), оно способствовало появлению торговых городских общин, ставших впоследствии центрами кристаллизации суахильской цивилизации, изначально использовавшей для письма именно арабскую графику [Жуков 1997: 3]. Язык суахили, ставший впоследствии языком межэтнического общения и важным нациообразующим элементом для современной Танзании, формировался на основе языков группы банту с огромным пластом заимствований из арабского, в том числе самых частотных и употребительных слов [Жуков 1997; Желтов 2011].

Следующая волна переселенцев, согласно «Хронике Килвы», имела место в X в. Сохранилось предание, что в 957 г. из Ши-раза приплыл персидский купец Хусайн ибн Али в сопровождении шести сыновей, у каждого из которых был свой корабль. По преданию, они стали основателями нескольких поселений, в том числе Момбасы и Килвы, превратившихся спустя несколько столетий в крупные торговые города [Nurse, Spear 1985; Кобищанов 1987]. Килва вскоре стала крупнейшим центром исламской культуры на восточноафриканском побережье. Эта легенда сыграла заметную роль во взаимоотношениях арабов и коренного неарабского исламизированного населения (ширази), так как позволяла последним обосновывать свое благородное ближневосточное происхождение [Nurse, Spear 1985: 70–79; Bakari 2001: 68–71; Nicolini 2004: 61–63; Деминцева 2008: 51–52; Коротаев, Халтурина 2008: 10–11].

Оманская власть, Занзибарский султанат и работорговля XIX в.

История работорговли в Восточной Африке и Индийском океане насчитывает не один век. В раннее Новое время она велась в основном из внутренних районов бассейна Замбези (Мозамбик) и контролировалась португальцами, подчинившими своей власти Занзибар, ряд пунктов побережья Восточной Африки и Оман в Аравии, которые составили части португальской колониальной империи в Индийском океане. В середине — второй половине XVII в. Оман освободился от португальского владычества, превратился в независимое государство и подчинил собственной власти Занзибар и другие восточноафриканские владения португальцев к северу от Мозамбика. Это привело к коммерческому и политическому доминированию Оманской торговой державы в регионе [Аpers 2010: 41]. Остров Унгуджа (Занзибар, один из двух крупнейших островов Занзибарского архипелага) стал важным опорным пунктом султаната Маската и Омана. В 1840 г. султан Сеййид Саид перенес столицу из Маската на Занзибар, а после его смерти в 1856 г. держава разделилась: Унгуджа и ее сфера контроля в Восточной Африке составили Занзибарский султанат под властью одной ветви потомков, Оман — султанат под властью другой ветви. Занзибарский султанат продолжал существовать при колониальном владычестве англичан и был уничтожен уже после его окончания (1963) в ходе революции 1964 г., в результате чего Занзибар в том же году вошел в состав Танзании.

История распорядилась так, что оманская династия Занзибара, связанная с ней элита и арабские торговцы оказались тесно вовлечены в рабовладение и работорговлю и стали главной силой в этих отношениях в регионе. Сама работорговля стала приобретать новый размах, поначалу в связи с развитием колониального плантационного хозяйства европейцев. В XVIII в. французы основали плантации сахарного тростника на территории Маврикия (Иль-де-Франс) и Реюньона (Бурбон), которые нуждались в рабочей силе в гораздо больших объемах, чем могло предоставить местное население. Это спровоцировало спрос на рабов: большая часть поступала туда из Мозамбика, примерно четверть поставляла Килва (см.: [Gerbeau 1979; Ogot 1979: 177; Klein 2005: 1384]). Британцы, захватившие Маврикий, в 1821 г. запретили ввоз рабов на остров, а в следующем году договор с султаном Маската запретил оманцам ввозить рабов в британские владения в Индии и Индийском океане и их продажу христианам любой национальности. Но Бурбон, оставшийся в руках французов, продолжал получать рабочую силу через порты Восточной Африки — Занзибар, Момбасу, Такаунгу и Ламу [Ogot 1979: 177].

В первой половине XIX в. на Занзибаре и Пембе появились обширные плантации гвоздики, кокосов и зерна, которые требовали еще большей рабочей силы, чем плантации Маскаренских островов. Их владельцами были хадремаутские и оманские арабы, а также местные суахилийские дельцы с континента. В правление Сеййида Саида остров стал ведущим мировым поставщиком гвоздики и крупнейшим невольничьим рынком Восточной Африки [Collins 2006: 339].

Помимо удовлетворения собственных нужд Занзибара и Пембы, рабов вывозили в Аравию, страны Персидского залива, Персию, Индию, на острова Реюньон, Маврикий, Мадагаскар, на Коморы и Сейшелы [Gerbeau 1979: 199; Ogot 1979: 177–178; Austen 1988: 21; Alpers 2005: 7]. Если с начала XIX в. основной экспорт рабов шел через Килву и в 1866 г. она поставляла 95 % рабов для плантаций Занзибара [Cooper 1977: 115–122; Ogot 1979: 178; Sheriff 1987: 226], то к середине XIX в. география работорговли в целом сместилась к северу [Collins 2006: 339; Croucher 2015: 45] и важными пунктами стали небольшие побережные города, географически находящиеся напротив Занзибарского архипелага [Kake 1979: 167].

Для захвата рабов арабские торговцы отправлялись вглубь континента, достигая территории современного Конго [Wynne-Jones 2011: 317]. Центральный маршрут, по которому вели караваны пленников, начинался в Уджиджи, на побережье озера Танганьика (ныне входит в состав городской агломерации Кигомы), пролегал через нынешние области Кигома, Табора, Сингида, Додома, Морогоро и заканчивался в Саадани, Винде, Багамойо, Дар-эс-Саламе и Мбвамаджи (по: [Rockel 2006: 5]; см. также: [Sheriff 1988; 2005; Wynne-Jones 2011: 318]). Северный маршрут вел от озера Виктория и выходил на побережье в Момбасе (на территории современной Кении), Танге и Пангани. Южный маршрут начинался у южной границы озера Малави и оканчивался в Килве [Rockel 2006: 5].

Со времен султана Сеййида Саида закрепляется представление об арабах как о работорговцах (подчас независимо от реальной идентичности последних; это представление поддерживается британскими аболиционистами и закрепляется колониальной системой образования, см.: [Alpers 2010; Rhodes 2018]), хотя в работорговлю были втянуты и многие африканские вожди, зачастую продававшие соплеменников за оружие. Результатом переноса столицы из Маската на Занзибар стала самая мощная волна миграции арабов: на остров переселилась вся оманская знать. В отличие от своих предшественников — арабов, стоящих у истоков возникновения суахилийской цивилизации, приезжавших в основном с целью торговли, оманская элита занялась

освоением земель и основанием плантаций, изначально демонстрируя более высокий статус относительно населения восточного побережья и монополизировав доступ к сфере управления [Mbogoni 2012: 195].

Развитие работорговли в XIX в. было обусловлено не столько выгодой от продажи рабов в страны назначения, сколько трансформацией собственно восточноафриканской экономики и превращением ее в плантационно-рабовладельческую (речь идет прежде всего о выращивании гвоздики на Занзибаре [Ogot 1979: 177; Sheriff 2005]). Усилия Великобритании по прекращению экспорта рабов только закрепили такое положение дел [Sheriff 1988: 133; Alpers 2005]. В 1873 г. под давлением англичан султан Сеййид Баргаш объявляет работорговлю незаконной во всех своих владениях и закрывает невольничий рынок на острове, однако само рабовладение было отменено на Занзибаре только в 1897 г., в Кении — в 1907 г. и на территории Танганьики — в 1922 г. [Sheriff 2005: 38].

Разумеется, история и место арабов в Восточной Африке далеко не сводится к их положению в работорговле. Однако этот фактор играл весьма важную роль в восприятии арабского населения другими группами, и это сказалось, в частности, на потрясениях в ходе революционных и постреволюционных событий 1964 г. и сказывается до сих пор [Lofchie 1965: 209; Коротаяев, Халтурина 2008: 25].

Занзибарская революция и современные аработанзанийцы

В ноябре 1890 г. англичане заключили с султаном Занзибара договор о протекторате. Они сохраняли за арабами существующие доминирующие позиции: для них резервировались места в законодательном совете, им отдавалось предпочтение при приеме на работу, платили более высокую заработную плату по сравнению с африканцами или индийцами, детей из знатных семей отправляли получать образование в Англию, кроме того, у арабов были возможности воздействия на направление английской колониальной политики по многим официальным каналам [Демкина 1972; Longair 2016: 18–23].

В 1957–1958 гг. на Занзибаре также стали появляться освободительные организации, однако они в первую очередь выступали за свержение арабского гнета, нежели английского протектората. В 1957 г. африканцы и ширази объединились и создали Партию афро-ширази, оппозиционную Национальной партии Занзибара (объединявшей арабов, часть ширази и некоторых индийцев-мусульман). За этим последовали события,

названные Л. Мбогони “pitfalls of a nascent democracy”: череда выборов (январь и июнь 1961 г., июль 1963 г.), по результатам которых Партия афро-ширази не удалось набрать большинство мест в парламенте, несмотря на то что в последнем случае она получила 54 % голосов. Обстановка накалялась, взаимное недоверие, подогреваемое слухами, росло, и первые вспышки насилия последовали уже в 1961 г. [Glassman 2011; Mbogoni 2012: 189–201]. В январе 1964 г. Партия афро-ширази, получив значительную поддержку с материка, устроила революционный переворот: ее представители и сторонники захватили оружие в полицейских участках и свергли правительство и султана (он успел покинуть остров на правительственной яхте). Начались массовые убийства: значительная часть занзибарских арабов была физически уничтожена (количество жертв, по разным данным, составляет от 5 до 10 тыс. человек, см.: [Pettersson 2002; Саватеев 2005]), остальные в спешном порядке эмигрировали. Как отмечают исследователи, «эмоциональной силой», спровоцировавшей эти кровавые события, была в том числе «историческая ассоциация» между арабским владычеством и рабством [Lofchie 1965: 209], и таким образом, массовое насилие в ходе революции стало «реваншем» за работорговлю.

Эмигрировало подавляющее большинство лиц с наиболее выраженной арабской идентичностью, что облегчило остальным интеграцию в танзанийскую нацию [Коротаяев, Халтурина 2008: 12]. Если раньше многие дети от смешанных браков называли себя арабами, то теперь они предпочитали называться африканцами [Саватеев 2005]. До конца 1960-х гг. на острове сохранялась расовая и конфессиональная напряженность. В высшем органе управления — Революционном совете Занзибара — неоднократно поднимался вопрос о гражданстве арабов и об их возможной высылке на родину.

Удельный вес арабов точно оценить довольно затруднительно: в целом можно сказать, что аработанзанийцы составляют менее 1 % населения страны¹. Полевые исследования 2005 г., проведенные сотрудниками Института Африки РАН, показывают, что отношение к арабам значительно выровнялось: респонденты отмечают, что они хорошо интегрированы в танзанийскую культуру, говорят на суахили, заключают межэтнические браки. Однако негативные тренды, мотивируемые участием бывших поколений этой этногруппы в работорговле, также сохраняются [Коротаяев, Халтурина 2008: 25]. Статистика показывает, что

---

¹ По данным Joshua Project, миссионерской некоммерческой организации, отслеживающей численность этнических групп на основании полевых исследований, и данных агентств в соответствующих странах <<https://joshuaproject.net/countries/TZ>>. К сожалению, официальная статистика относительно численности этнических групп недоступна.

готовность аработанзанийцев к интеграции контрастирует с не столь высокой готовностью афротанзанийцев признать местных арабов интегральной частью танзанийской нации [Коротаев, Халтурина 2008: 15].

Полевое исследование

В ходе экспедиции были собраны формальные и неформальные интервью в трех городах Танзании, представляющих значительный интерес в плане изучения исторической памяти о работорговле, — Дар-эс-Саламе (30 записей), Багамойо (включая деревню Каоле; 15 записей для Багамойо и 9 для Каоле) и Занзибаре (23 записи). Также были проведены опросы в деревне Нунгви на севере Занзибара (4 записи). Опросы проводились на английском языке и на суахили. В основном интервью были глубинными. Если возможности для проведения глубинного интервью не было, респондентам задавался только вопрос о взаимоотношениях между афротанзанийцами и аработанзанийцами сейчас: являются ли они хорошими, нет ли негативных чувств, обусловленных исторической памятью о работорговле либо чем-то иным, и как в целом можно оценить межэтнические отношения в стране. В части интервью, напротив, речь о современных отношениях не заходила, поэтому учтенное в этой работе количество респондентов меньше, чем общее количество сделанных записей (76 из 81).

Пул информантов набирался двумя путями. Рассмотрим их на примере Дар-эс-Салама. Одна часть будущих респондентов была известна антропологам заранее, они неоднократно принимали участие в самых разных исследованиях: это коллеги из Мемориальной академии Мвалиму Ньерере (мужчины и женщины среднего возраста с высшим образованием), друзья из районов Упанга (богатый район, центр города) и Гонго-ла-Мбото (усуахилини с хаотичной, подчас трущобной застройкой, окраина), в обоих случаях — разношерстные группы молодых людей и девушек с разным уровнем образования. Вторая часть пула формировалась на месте методом «снежного кома»: в этом случае антропологи старались соблюдать репрезентативность выборки в плане пола, возраста, уровня образования. Соблюсти репрезентативность в плане региона происхождения и проживания информанта оказалось гораздо более сложным делом: во всех трех исследованных городах фиксируется постоянная активная миграция, большинство респондентов в течение жизни успели пожить в разных частях страны, мало кто родился и вырос в том же месте, где бралось интервью. Итоговые паспортные данные анализировались с точки зрения региона рождения, региона социализации и региона современного проживания

человека. Единственная тенденция, которую достоверно удалось проследить, — меньшая толерантность по отношению к арабо-танзанийцам в случае, если регион рождения или социализации оказывался в числе наиболее пострадавших от работорговли (см. ниже). Специально беспокоиться о равномерности выборки в плане религиозной принадлежности не приходилось, так как христиан и мусульман в стране практически поровну, это является справедливым и для любой случайной группы людей.

Самым общим образом можно сказать, что в плане современного отношения к проживающим в стране арабам опрошенные танзанийцы разделились примерно поровну: 39 респондентов уверены, что межэтнические отношения между афротанзанийцами и аработанзанийцами совершенно нормальные; 37 респондентов считают, что проблемы в отношениях есть. Респонденты были условно поделены на три группы. В «красной» группе находятся те, кто открыто говорит о ненависти и плохом отношении к арабам, в «желтой» — те, кто считает ситуацию в целом нормальной, однако указывает на наличие «некоторых людей», которые относятся к ним плохо, или «некоторой напряженности» (в сущности, люди из «желтой» группы указывают на наличие мнений, подобных тем, что высказывают люди из «красной» группы), в «зеленой» — респонденты, которые считают межэтнические отношения хорошими. Разумеется, это разделение условно и иногда даже субъективно, поскольку речь идет о глубинных интервью, а не об анкетах, ответы в которых можно трактовать однозначно. Приведем несколько фрагментов интервью из каждой группы, чтобы продемонстрировать, о чем идет речь.

Респонденты «красной» группы

Из интервью с жительницей Гонго-ла-Мбото, того с начальным образованием:

О.И. (Оксана Иванченко): *Кто занимался работорговлей, кто они были?*

Р. (респондентка): *Африканцев забирали арабы.*

О.И.: *То есть работорговлей занимались арабы. А где это происходило?*

Р.: *В Багамойо.*

О.И.: *История работорговли влияет на отношение к арабам сейчас, танзанийцы не испытывают к ним негативных чувств из-за этих событий в прошлом?*

Р.: *Танзанийцы ненавидят их.*

О.И.: *Есть негативное отношение... Это широко распространено или можно говорить только о некоторых людях?*

Р.: *Их все ненавидят.*

Из интервью с молодым человеком, тургидом в Багамоёй:

Что касается меня, я ненавижу арабов и индийцев, потому что они продавали и покупали африканцев.

Из интервью с танзанийцем, владельцем небольшого бизнеса в Багамоёй, выросшем в Дар-эс-Саламе:

О.И.: *Что вы думаете о современной ситуации? У людей есть негативные чувства?*

Р.: *Да, у людей есть, у меня есть! О себе могу сказать, что у меня есть негативные чувства. <...> Люди рождены, чтобы быть свободными. Я рожден не для того, чтобы быть рабом. Конечно, я испытываю определенные чувства, когда вижу работоторговца [имеется в виду просто человек с выраженной арабской идентичностью. — А.Б., О.И.].*

Из интервью с занзибарцем, ширази:

[Люди говорят, что] если ты голосуешь за арабов на выборах — это то же самое, как если бы ты хотел вернуть работоторговлю. (Имеется в виду голосование в пользу политической партии CUF (Civic United Front) большая часть поддержки которой происходит с арабизированных островов Занзибарского архипелага, Унгуджи и Пембы. Пример демонстрирует, что эта часть исторической памяти используется в современной политической борьбе, в том числе связанной с сильными сепаратистскими настроениями на Занзибаре, см. ниже.)

Из интервью с преподавателем Мемориальной академии Мвалиму Ньерере в Дар-эс-Саламе:

О.И.: *Танзанийцы испытывают негативные чувства по отношению к арабам? Из-за того, что было в прошлом, живо ли это сейчас? Или это все уже забыто, отношения хорошие и никто уже не помнит про то, что было?*

Р.: *Не до такой степени забыто. Плохое отношение может быть из-за истории, да, история ставит арабов на место второго врага...*

О.И.: *Второго врага после кого, после белых?*

Р.: *Да, после белых арабы — на втором месте. <...> Так что если плохое отношение остается, так это только из-за тяжелого прошлого.*

Респонденты «желтой» группы

Из интервью с жителем Багамоёй, по образованию шахтером:

О.И.: *То есть в целом отношения хорошие.*

Р.: *<...> Да. Рабство в Танзании, то, как люди это помнят... Я не думаю, что сейчас есть тяжелые чувства. Можно найти*

одного-двух человек, которые скажут «они делали нас рабами», но будем реалистами — все это было очень давно, и Танзания не так сильно пострадала, как Конго.

Из интервью с девушкой-социологом, жительницей Гонго-ла-Мбото:

О.И.: *Как ты думаешь, танзанийцы испытывают негативные чувства по отношению к арабам из-за работорговли? Или это все забыто и уже в прошлом?*

Р.: *Нет, сейчас, хотя работорговля уже запрещена, арабы все равно забирают африканцев, забирают их в арабские страны. Некоторые знают это про арабов и говорят, что они плохие люди.*

О.И.: *То есть есть негативные чувства. Это широко распространено? Или речь идет только о некоторых людях?*

Р.: *В некоторых местах.*

<...>

О.И.: *Люди думают об арабах плохо из-за работорговли, или из-за того, что они ведут в Танзании бизнес, или есть другие причины? Или люди не задумываются о причинах?*

Р.: *Прежде всего из-за работорговли и того, что они продолжают делать сейчас — забирают африканцев, особенно молодых женщин, в свои страны, а там уже отбирают паспорта и делают другие вещи.*

Из интервью с преподавателем Мемориальной академии Мвалиму Ньерере в Дар-эс-Саламе, экономистом:

А.Б. (Анастасия Банщикова): *Танзанийцы, обычные люди, испытывают негативные чувства по отношению к арабам сейчас?*

Р.: *Если можно так сказать, в процентном соотношении — менее 15 % плохо говорят о них.*

Из интервью с высокопоставленным офицером полиции Багамойо:

А.Б.: *А в целом отношения между танзанийцами и арабами хорошие?*

Р.: *В целом хорошие, но были трения после терактов 1998 года у американского посольства, совершенных радикалами, было негативное отношение и к арабам, и к исламу в целом.*

Из интервью с продавцом на арт-рынке в Багамойо:

А.Б.: *Что ты думаешь об отношениях между танзанийцами и арабами сейчас, в связи с этим прошлым?*

Р.: *<...> Иногда ты говоришь [им] «Привет, как дела», но иногда появляется боль в сердце, когда видишь людей из арабских стран.*

Иногда респондентам трудно описать свое отношение к арабам, ответы могут быть синтетическими, противоречивыми, описывающими одновременно отношение в прошлом и в настоящем. Из интервью с жительницей деревни Каоле:

О.И.: *То есть вы плохо относитесь к арабам из-за того, что они занимались работоторговлей?*

Р.: *Я очень сильно их ненавижу, это было плохо — то, что они пытали африканцев и заставляли их идти раздетыми.*

О.И.: *А что по поводу современности?*

Р.: *Сейчас у меня все в порядке с ними, нет проблем. Арабы — мои друзья.*

Респонденты «зеленой» группы

Респонденты «зеленой» группы, т.е. те, кто не видит проблем в отношениях между танзанийцами и арабами в современности, выражают несколько основных идей. Во-первых, что прошлое должно оставаться в прошлом, нет смысла возвращаться к нему. Во-вторых, что арабы в стране уже много поколений, живут бок о бок, смешиваются с танзанийцами, интегрируются в общество и либо определяют себя в целом как суахили, либо относят к конкретному племени (хотя одежда и язык и выдают их корни). На Занзибаре можно услышать, что арабские страны оказывают острову значительную поддержку и на них всегда можно рассчитывать в трудной ситуации.

Из интервью с жителем Дар-эс-Салама, получившим образование в Российском химико-технологическом университете им. Д.И. Менделеева:

О.И.: *Ты помнишь прошлые события, это как-то влияет на современные отношения между танзанийцами и арабами? Или все это уже забыто и осталось в прошлом?*

Р.: *Что я могу сказать... Поколения сменяются, история остается. Но у нового поколения нет чувства ненависти из-за того, что было в прошлом, это уже как система. Мы живем своей жизнью. Что случилось раньше, даже если это коснулось нас — мы оставляем это. Мы принимаем и хорошее, и плохое — и жизнь движется дальше. <...> Прошлое — это прошлое. Мы не там, ты не можешь ненавидеть кого-то — мы заботимся о наших семьях и поколении, которое живет сейчас. Они [арабы. — А.Б., О.И.] не смогут сделать это снова, это уже было сделано и не повторится. Иногда что-то просто случается.*

Из интервью с молодой девушкой, заканчивающей старшую школу, жительницей Гонго-ла-Мбото:

О.И.: *Танзанийцы испытывают негативные чувства по отношению к арабам?*

Р.: Я думаю, это осталось в прошлом, потому что люди, которые занимались работоторговлей, уже умерли, а мы живем в настоящем. Эти вещи остались в прошлом вместе с ними, стали прошлым, а настоящее — это настоящее. Что касается Танзании сейчас — здесь много арабов, они занимаются бизнесом, сотрудничают с танзанийцами.

О.И.: То есть отношения хорошие?

Р.: Да.

Из интервью с мусульманином из Морогоро:

О.И.: А что насчет современной ситуации? Отношения между танзанийцами, арабами и европейцами, они хорошие?

Р.: Я буду говорить только за себя, потому что не знаю, что ты думаешь, что другие люди думают... Я не могу винить кого-то за ошибки его бабушки, дедушки, его предков. Мы движемся дальше, теперь мы живем в другом мире. Мы относимся к другим как к равным. Я могу поехать в Европу, в арабские страны — ты вот приехала в Африку, тоже можешь поехать в арабские страны. Так что сейчас — я не думаю... Мы нужны друг другу, да, сейчас мы нужны друг другу. Думаю, что это хорошо — знать свою историю, но не менее важно — что мы движемся, движемся дальше. Что лучше, разорвать дружбу, которая есть сейчас? Или усилить эту дружбу? Так что, я думаю, мы должны двигаться дальше. То, что случилось — оно уже случилось и закончилось. Конечно.

Из интервью с тургидом в Багамойо:

О.И.: То есть отношения хорошие.

Р.: Очень хорошие, на сто процентов. Без обмана — я ведь знаю об этом, потому что родился здесь. Нет, никогда не видел, чтобы люди ненавидели кого-то, и даже если кто-то думает о тех событиях, то в таком ключе — «то, что они делали, было плохо». Но это не значит, что они будут ненавидеть людей, которые сюда приезжают, или арабов, потому что те занимались работоторговлей, нет. У нас здесь много арабов, друзей, арабских друзей — у меня здесь в Багамойо есть друг-араб, на соседней улице, и в родном городе [Мтвара. — А.Б., О.И.] тоже. И арабы живут на тех же улицах, у них нет каких-то специальных мест проживания, которые они бы защищали. Это хорошее отношение, которое существует — вы можете даже сами почувствовать, нет нужды просить. Танзанийцы — очень дружелюбные люди.

Из интервью с жителем Дар-эс-Салама с высшим образованием:

О.И.: Как ты думаешь, те события повлияли на отношение к арабам сейчас? Или это было так давно, что люди уже не помнят?

Р.: Нет, конечно, некоторые люди помнят — те, кого это задело. Но у нас множество перемен, активные взаимоотношения с арабами — например, язык, на котором мы разговариваем, суахили, — имеет общие пути с арабским. Эти языки очень близки, и арабы оказали сильное влияние на нашу культуру. Так что мы делаем вместе с арабами множество вещей, и это меняет отношение. И потом то, с чем мы столкнулись во времена колониализма, — немцы, немцы колонизировали эту страну после арабов.

О.И.: Ты имеешь в виду европейцев, которые пришли позже...

Р.: Да.

О.И.: Ты считаешь, что люди больше помнят о европейском колониализме, чем об арабской работорговле?

Р.: Да.

О.И.: И отношения между танзанийцами и арабами сейчас хорошие.

Р.: Конечно хорошие.

Концептуализация возможного негативного отношения к арабам с точки зрения респондентов

Один из самых интересных с социально-антропологической точки зрения моментов, связанных с современными межэтническими отношениями в Танзании, по результатам проведенного полевого исследования, — это концептуализация возможного негативного отношения к арабам, предложенная самими респондентами, т.е. их собственные объяснения, кто из их сограждан и почему может плохо к арабам относиться. Таких объяснений было предложено несколько. Первое заключалось в уровне образования: респонденты считали, что к арабам хуже относятся те, кто менее образован. Директор школы в пригороде Занзибара пояснил эту мысль на примере отношения к европейцам и белым: «Из-за природы нашего общества у нас сильный разрыв между грамотными и неграмотными; это значит, что количество неграмотных выше, чем количество грамотных. Если взять неграмотных, можно сказать, что они выстроили в голове картину, что европейцы, белые люди, причинили нам зло, так что они воспринимаются как враги, когда приезжают сюда. Но для образованных людей жизнь — это опыт, вещи проходят сквозь тебя — и проблема не в том, что нас колонизировали, сделали рабами... Про танзанийцев я могу сказать, что те, кто менее образован, не могут воспринять белых и европейцев как хороших друзей из-за того, что было в прошлом. Но образованные люди могут относиться к ним хорошо, забыть о прошлом и сосредоточиться на технологической составляющей. Видите, это то, что я вижу и с чем сталкиваюсь по опыту, хотя я не проводил специальных исследова-

ний». Про отношение непосредственно к арабам он высказался так: «Здесь, в Танзании, у нас есть арабы, но когда мы получали образование, нам говорили, что арабы — не местные, они были колонизаторами, сделали нас рабами. <...> Мы воспринимаем арабов как колонизаторов, тех, кто делал ужасные вещи; мы воспринимаем белых как людей, которые создали проблемы, лишили нас развития и использовали наши ресурсы, минералы, дешевый труд. До сих пор можно сказать, что в отношениях между африканцами и арабами и африканцами и белыми есть трения — что это нечестные отношения».

Вторая предложенная респондентами концептуализация возможного плохого отношения к арабам — по региону происхождения говорящего, т.е. к ним хуже относятся те, чьи родные регионы в большей степени пострадали от работорговли. «Занзибар — это копии арабов. Они оставили свой отпечаток, Пемба — тоже копия. Если вы будете разговаривать с людьми на Занзибаре и Пембе, то там люди уверены, что арабы — братья. Они не скажут ничего против них, даже если знают про работорговлю. Все на Занзибаре — и специи тоже — началось с арабов. Они поработили нас, но если мы сами — копии арабов, то мы не можем ненавидеть сами себя. <...> Однако если вы заговорите об арабах в местах, откуда людей забирали, то столкнетесь с негативным отношением. В том, что будут говорить люди, не будет ничего хорошего. Потому что работорговля изменила эти места, даже дети — они слышали истории, даже они уже наследуют этот исторический опыт. Если говорить о таких местах, как Табора, Мванза, Шиньянга, о некоторых частях Додоми... — люди не сильно-то любят арабов. У них об арабах плохие воспоминания», — поделился пожилой танзаниец из Додоми.

Третье объяснение — в зависимости от возраста: к арабам хуже относятся люди старшего поколения, потому что они ближе к тем трагическим событиям, слышали много историй от очевидцев и близких тех, кого забрали в рабство. «Многие пожилые люди не любят арабов», — сказала, к примеру, молодая девушка из Дар-эс-Салама. Такое объяснение привели сразу три респондента (предыдущие версии были услышаны «в единственном экземпляре»).

И четвертое объяснение, услышанное от двух респондентов, но нашедшее подтверждение в историях тех, чьи семьи и предки непосредственно пострадали от работорговли, — исходя из истории семьи: если в семье и ее ближайшем окружении была соответствующая травма, то это с высокой вероятностью сформирует негативное отношение к арабам в наши дни. Приведем два фрагмента записи.

В первом респондент рассказывает, что у него был друг, у которого был дедушка. И когда дедушка был ребенком, дедушкиного друга забрали арабы: «Он был ребенком, а его другу было двенадцать. Они играли, но пришли арабы с ружьями, схватили его и исчезли. <...> И он навсегда остался врагом арабов, ненавидел их, я думаю, что он даже умер от того, что ему было больно видеть, что другие так к арабам не относятся. Он всегда говорил: “Почему люди едут в Оман, Маскат, в арабские страны?! Почему люди приглашают арабов на Занзибар, в Танзанию, в Африку?! Они хватали нас и продавали, а теперь вы приглашаете их!” Он всегда был против арабов, таково было его мнение».

Во втором фрагменте респондент, у которого забрали в рабство одного из предков по мужской линии, говорит о современном отношении к арабам: «Мы [танзанийцы] не особо дружим с арабами, между нами нет глубокой дружбы. Мы впустили их [в страну], но между нами нет глубокой дружбы из-за того, что случилось в прошлом, и даже эти поколения — а я отношусь к новому поколению — но я знаю, что случилось до того. Я не могу работать с арабами в одном помещении — я постоянно смотрю за ними, потому что знаю их натуру, мне нужно проследить, чтобы они никому не причинили зла. Я не могу не помнить того, что было раньше, так что это тяжело, очень тяжело».

Концептуализация возможного негативного отношения к арабам по результатам полевого исследования

Обработка полевого материала, сопоставление ответов респондентов с их уровнем образования, регионом происхождения, возрастом, наличием семейной травмы и вероисповеданием позволила выявить следующие закономерности:

1. Уровень образования действительно влияет на отношение афротанзанийцев к аработанзанийцам: хотя и в «красно-желтой», и в «зеленой» группах достаточное количество людей, являющихся студентами и выпускниками колледжей и университетов, в первой гораздо больше людей с начальным образованием.
2. Регион происхождения оказывает определенное влияние. Так, все респонденты из Додомы (территория проживания племени гого и один из важнейших континентальных центров географии работорговли) оказались в «красно-желтой» группе. В то же время подавляющее большинство занзибарцев (по происхождению и самоидентификации) оказались в «зеленой». Последнее не удивляет (см. ниже), однако вопрос влияния региона происхождения человека на его отношение к арабам в современной

континентальной Танзании требует более тщательного изучения, в планируемом втором сезоне полевого исследования ему будет уделено особое внимание (также во втором сезоне будут проведены интервью в других местах, имеющих прямое отношение к работорговому прошлому страны).

3. В полном соответствии со словами самих танзанийцев возраст имеет значение, люди старшего поколения к арабам относятся гораздо менее толерантно: 16 человек старше 45 лет оказались в «красно-желтой» группе, и только 7 — в «зеленой» (напомним, что группы примерно равны, 37 и 39 человек соответственно).

4. Также полностью подтвердилось высказанное мнение о том, что фактором, определяющим отношение к современным аработанзанийцам, окажется наличие семейной истории: большинство респондентов с семейной травмой оказались в «красно-желтой» группе, как и те, кто является носителем устной традиции о работорговле, хотя их собственные предки не пострадали непосредственно.

5. Неожиданностью стало распределение респондентов по признаку религиозной принадлежности. Даже если исключить из выборки «зеленой» группы мусульман-занзибарцев (для которых решающим является не религиозный фактор, а отношение к истории континентальной части страны в целом), все равно в «красно-желтой» группе христиан гораздо больше. Это согласуется со словами респондентов-христиан о том, что танзанийцы-мусульмане в целом гораздо лояльнее и толерантнее по отношению к арабам, так как обязаны им своей религией и в общем привнесением культуры ислама (уже приводившаяся цитата: «Они поработили нас, но если мы сами — копии арабов, то мы не можем ненавидеть сами себя»). Тот факт, что арабы принесли в Танзанию ислам, как положительный подчеркивался многими респондентами независимо от религиозной принадлежности.

Таким образом, к современным аработанзанийцам в целом хуже относятся люди с низким уровнем образования, из особо пострадавших регионов, старшей возрастной группы, с семейной травмой, христиане. Два фактора из этих пяти — уровень образования и религиозная принадлежность — могут не иметь непосредственного отношения к изучаемой теме: влияние уровня образования на толерантность фиксируется по многим обществам независимо от изучаемого вопроса (см. по Танзании: [Бондаренко 2008]), и именно в такой форме может проявляться некоторая общая напряженность в отношениях между христианами и мусульманами Танзании, не связанная прямо с работорговлей, когда исторические воспоминания используются только как дополнительный аргумент на почве уже существую-

щих и независимо развивающихся межрелигиозных противоречий (см.: [Саватеев 2005; Коротчаев, Халтурина 2008]). Меньшая толерантность со стороны людей с семейной травмой и из особо пострадавших регионов (что можно считать опосредованной семейной травмой) психологически понятна и не нуждается в особом объяснении. Однако меньшая толерантность со стороны старшей возрастной группы (и соответственно большая со стороны молодежи и людей среднего возраста) объясняется не только тем, что пожилые люди в принципе ближе к тем трагическим событиям, могли быть их участниками и свидетелями и на их долю выпал гораздо больший объем устной традиции, рассказов и воспоминаний (о том, что сейчас устная традиция, вечерние посиделки стариков с детьми, в ходе которых они рассказывали им истории из своей жизни, уходят в прошлое, респонденты говорили прямо). В ходе полевого исследования выявилось еще несколько факторов, способствующих большей толерантности молодежи и людей среднего возраста.

Арабская торговля XIX в. как часть колониальной истории Танзании XX в.

Мы обратили внимание на то, что многие респонденты «зеленой» группы, когда выражали свое мнение о межэтнической ситуации, не только говорили о том, что отношения между афротанзанийцами и аработанзанийцами хорошие, но и приводили конкретные аргументы: совместная деятельность, дружеские связи, браки между представителями двух групп (крайне противоречивый пункт: респонденты «красно-желтой» группы как раз это отрицали и ставили арабам в вину нежелание создавать семьи с афротанзанийцами) и т.д. В этих аргументах были и общие высказывания о единстве страны, танзанийского общества, о дружелюбии и хорошем отношении друг к другу всех групп населения: «арабы — наши люди» (фрилансер с высшим образованием из Дар-эс-Салама), «мы все вместе, никаких конфликтов» (продавец воды на пляже в Багамойо), «после революции, после объединения все люди Танзании соединились, как одна семья. <...> С моей точки зрения на эти вещи... нет сомнений, нет проблем, все люди живут вместе в любви и счастье» (офицер полиции в Багамойо, ширази).

Более того, респонденты говорили о единстве и хорошем отношении как результате совершенно сознательных усилий отца танзанийской нации Джулиуса Камбараре Ньерере, чаще с прямым упоминанием его имени, но иногда в более общем ключе, например: «Если мы будем ненавидеть людей из других стран, мы не сможем быть вместе с ними. Нам говорили не ненавидеть людей, нам говорили, что история, которую мы прошли, оста-

лась в прошлом, сейчас это просто рассказ» (молодой человек с начальным образованием, учит туристов играть на барабанах). Первый президент Танзании в ходе своей политической деятельности неоднократно подчеркивал необходимость перехода к гражданскому пониманию принадлежности к танзанийской общности (от этнического и расового понимания), к отношению к танзанийцам как к нации. Масштаб его наследия, проявившийся в ответах респондентов, действительно впечатляет: многие из них прямо и совершенно искренне говорят, что ни к кому не относятся плохо, воспринимают всех людей в Танзании как сограждан и собратьев, потому что так учил Мвалиму Ньерере (о его образе и наследии см., например: [Fouéré 2014]).

«После того как Мвалиму Ньерере стал управлять страной, он сделал всех нас равными, так что... Так что к сегодняшнему дню мы забыли все плохое», — сказал молодой человек, масай из Аруши.

«Ньерере, чтобы стать президентом, учился уже со школы, и даже когда он был совсем юным, его разум был очень силен и он был хорошим человеком. То, что случилось в стране... Благодаря всем его усилиям мы об этом забываем, нет необходимости напоминать нам это, потому что правительству не нужно будить это в людях, чтобы они помнили — так что мы просто воспринимаем это как часть истории сейчас», — поделился танзаниец из Додомы, занимающийся приютом для бездомных детей.

«Отец нации Джулиус Камбараре Ньерере — один из тех, кто занимался просвещением в Танзании. И когда в конце дня мы видимся друг с другом — даже если мы разные, — никто не станет подчеркивать различия, потому что другой человек скажет: “Что такое? Мы все танзанийцы!” Мы все африканцы, мы все — один мир, мы не видим различий. Даже если мы чувствуем различия, мы не можем это открыто демонстрировать. Со всем своим авторитетом и влиянием он так много сделал, чтобы мы воспринимали другого человека как часть себя», — рассказала девушка-бухгалтер из Гонго-ла-Мбото.

«Потому что Ньерере пришел, чтобы объединить всех нас — ты не можешь отвергать такого же человека, как ты сам. Только если у кого-то есть зависть, она может проявиться [в возможном плохом отношении к арабам. — А.Б., О.И.]», — объяснила женщина из Танги, живущая в Каоле.

Политики поколения Джулиуса Ньерере пытались представить работорговлю как часть более длительного управления со стороны внешних сил, включающего европейский колониализм. Даже в современных школьных учебниках истории, изученных

авторами статьи, история арабской работорговли XIX в. парадоксальным образом представлена как часть колониальной истории Танзании XX в. Арабы в качестве главных действующих лиц работорговой истории страны не упомянуты вовсе: вопрос об их участии подменяется рассуждениями о том, что сама причина работорговли будто бы кроется в индустриальном развитии Европы — якобы (!) европейским фабрикам нужны были рабочие руки. Таким образом на европейцев возлагается вся ответственность и вина за работорговлю. На вопрос о том, куда вывозили рабов, в числе прочих (исторически достоверных) мест один из учебников также дает ответ — в Европу.

Весьма сходная картина была получена и в ходе полевого исследования. Часть респондентов, включая людей с высшим образованием, ответила, что:

1. Работорговлей занимались немцы и британцы (главные колониальные силы в регионе), реже — португальцы и французы, арабов чаще вспоминали в числе этих «европейских работорговцев», иногда после наводящего вопроса.

Из интервью с мужчиной средних лет в Гонго-ла-Мбото:

О.И.: *То есть они ловили людей и продавали их как рабов, европейцы и арабы, так? А кто был первым?*

Р.: *Первыми были немцы.*

Из интервью с молодой девушкой, социологом по образованию:

О.И.: *А кто забирал африканцев? Кто были работорговцы?*

Р.: *Работорговцами были... немцы, британцы, да. Немцы первыми пришли в Африку, да, британцы пришли за ними. И в некоторых местах еще арабы.*

Из интервью с членами футбольной команды в Гонго-ла-Мбото:

О.И.: *А арабы, они участвовали в работорговле?*

Р.: *Нет.*

О.И.: *То есть только европейцы, британцы?*

Р.: *Да, британцы, немцы, французы...*

Иногда подчеркивалась связь между арабами и европейцами, т.е. арабы продавали рабов европейцам и именно последние были главными бенефициариями торговли людьми.

«Немцы ждали, пока арабы искали, находили людей из разных мест и приводили. <...> Арабы приводили людей и продавали их немцам», — сказал мужчина, гого из Додомы.

«Было две группы людей — европейцы и арабские посредники. Последние находили людей и продавали их белым», — отметил молодой человек из Морогоро, работающий на Занзибаре.

Группа респондентов, которая сразу и без малейших колебаний называла арабов в качестве главной работорговой силы, — это носители устной традиции и люди с семейной травмой.

2. Помимо других мест, рабов вывозили в Европу.

«Работорговля — вывоз людей из Африки в Америку, иногда в Европу... Африка — как источник [рабочей силы. — А.Б., О.И.], Америка и Европа — как место использования», — сообщил сотрудник Академии Мвалиму Ньерере.

«Нас учили в школе, что работорговля велась на побережье, затем распространилась на другие регионы... Задачей было покрыть недостаток в рабочей силе в Европе», — отметил еще один сотрудник академии.

«Я помню, что работорговля соединяла африканское побережье с Европой», — сказал мужчина с высшим образованием.

«Большинство рабов вывозили с побережья и из более далеких районов, Кигома, Мванза, Танга, ньямвези... Потом они отправлялись в Дар-эс-Салам, оттуда в Багамойо, из Багамойо — на Занзибар, на кораблях. Куда их везли с Занзибара, я не знаю, наверняка в Европу», — рассказал танзаниец, получивший высшее образование в России.

Как нам представляется, и противоречащие исторической действительности сведения учебников, и уже «результат» такого подхода к работорговой и колониальной истории, который фиксируется в интервью с респондентами, являются продолжением все той же линии по строительству единой прочной нации, которая была начата Джулиусом Ньерере. Поскольку арабы появились на территории Танганьики в VII в. н.э., они длительное время являлись частью населения, заняли определенное положение в обществе. В то же время европейцы никогда не были частью общества, всегда воспринимались как представители чуждой культуры, насаждаемой извне. В политическом плане танзанийцы с момента получения независимости противопоставляли себя европейской власти и культуре, такое противопоставление используется и по сей день. Именно по этой причине в современных образовательных материалах европейской колонизации уделяется куда большее внимание, нежели арабской работорговле. На европейцев можно «свалить любые грехи», которые неудобно и контрпродуктивно для национального строительства было бы относить к реальным «виновникам», а точнее, к их потомкам (современные танзанийские арабы и в самом деле не могут отвечать за деяния их предков, толерантно настроенные респонденты неоднократно подчеркивали эту мысль).

Вторая причина заключается в особом культурном статусе Занзибара, островной части страны (см., например: [Killian 2008]). Будучи в прошлом столицей Оманского султаната и частью арабского мира, с огромным культурным и религиозным влиянием, Занзибар и поныне остается во многом обособленной территорией с сильным арабским влиянием. С точки зрения национальной политики было бы крайне опрометчиво концентрировать внимание на работорговом прошлом острова, хотя на нем был крупнейший невольничий рынок в Индийском океане и даже сейчас находятся памятники мирового значения, связанные с этой печальной страницей истории. Частный, но очень яркий и характерный пример: на памятной табличке на доме крупнейшего работорговца Хамада ибн Мухаммеда эль-Мурджеби на Занзибаре, широко известного как Типпу Тип (прозвище связано со звуком передергивания затвора винтовки перед выстрелом, так как Хамад отличался большой жестокостью) указано, что он был создателем торговой империи в Восточном Конго в XIX в., конец которой положила бельгийская колонизация. То есть можно проследить абсолютно такую же схему подмены дискурса с рабовладельческого на колониальный, как и в упомянутом выше учебнике: во-первых, умалчивается, что его империя была именно работорговой (также прибыль приносила торговля слоновой костью), а во-вторых, в качестве «козла отпущения» в контексте, который по большому счету этого не требует, снова упоминаются европейцы.

Таким образом, история арабской работорговли в современной Танзании для каждого конкретного человека оказывается между семейной травмой, с одной стороны, и толерантностью, недопущением дискриминации, насаждаемыми государством, — с другой. Если семейная травма имела место, если предки человека стали жертвами работорговцев, вероятность того, что он будет толерантно относиться к аработанзанийцам, довольно низка. Такие люди мало восприимчивы к подмене дискурса, сглаживанию углов, государственной позиции и ее пропаганде. В каком-то смысле два способа воспроизводства исторической памяти об арабской работорговле XIX в. противопоставлены и работают друг против друга: система школьного образования возлагает вину на европейцев, способствуя мирным межэтническим отношениям в стране, делая работорговлю, по сути, частью колониализма, а после этого акцентируя внимание на преодолении колониального прошлого, в то время как устная традиция ничего не цензурирует и передает историю страданий предков во всей ее полноте, пробуждая этим горькие чувства в потомках. Носители устной традиции с низким уровнем образования оказываются самой уязвимой категорией: они со-

храняют семейную травму и при этом не получают достаточную «прививку учебником» и более широкий и менее ангажированный взгляд на мир, который дает образование. В результате они становятся наименее толерантной по отношению к арабстанзийцам частью населения страны.

Благодарности

Исследование выполнено при поддержке проекта РНФ 18-18-00454 «Историческая память как фактор эволюции социально-политических систем (Субсахарская Африка и Мезоамерика)». Авторы хотели бы выразить глубокую благодарность уважаемому анонимному рецензенту за внимательное отношение к работе и в высшей степени ценные замечания и предложения по ее улучшению.

Библиография

- Бондаренко Д.М.* Образование и толерантность в современной Танзании: этнорасовый и конфессиональный аспекты // Коротаяев А.В., Деминцева Е.Б. (отв. ред.). Межрасовые и межэтнические отношения в современной Танзании. Труды Российской комплексной экспедиции в Объединенной Республике Танзания (сезон 2005 г.): Сб. ст. М.: ЛЕНАНД, 2008. С. 94–121.
- Деминцева Е.Б.* Межэтнические отношения на Занзибаре // Коротаяев А.В., Деминцева Е.Б. (отв. ред.). Межрасовые и межэтнические отношения в современной Танзании. Труды Российской комплексной экспедиции в Объединенной Республике Танзания (сезон 2005 г.): Сб. ст. М.: ЛЕНАНД, 2008. С. 45–56.
- Демкина Л.А.* Национальные меньшинства в странах Восточной Африки. М.: Наука, 1972. 285 с.
- Дронова Д.А.* Индийцы Дар-эс-Салама // Этнографическое обозрение. 2014. № 5. С. 175–184.
- Желтов А.Ю.* Суахили // Касевич В.Б. (отв. ред.). Грамматика и семантика восточного текста. Квантитативные характеристики: Сб. ст. СПб.: Изд-во РХГА, 2011. С. 145–156.
- Жуков А.А.* Суахили: Язык и литература. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1997. 350 с.
- Иванченко О.В.* Танзания: самосознание национальное и этническое // Азия и Африка сегодня. 2013. № 6. С. 53–59.
- Кобищанов Ю.М.* История распространения ислама в Африке. М.: Наука, 1987. 223 с.
- Коротаяев А.В., Халтурина Д.А.* Арабы в Танзании // Коротаяев А.В., Деминцева Е.Б. (отв. ред.). Межрасовые и межэтнические отношения в современной Танзании. Труды Российской комплексной экспедиции в Объединенной Республике Танзания (сезон 2005 г.): Сб. ст. М.: ЛЕНАНД, 2008. С. 8–27.
- Львова Э.С.* Индийская община: вариант мира в условиях этноконфессионального многообразия // Саватеев А.Д. (ред.). Мусульмане и христиане в современной Танзании. Труды участников российской экспедиции. Сб. ст. М.: Ин-т Африки РАН, 2005. С. 116–146.

- Саватеев А.Д.* (ред.). Мусульмане и христиане в современной Танзании. Труды участников российской экспедиции. М.: Ин-т Африки РАН, 2005. 228 с.
- Халтурина Д.А., Коротаев А.В.* Индотанзанийцы // Коротаев А.В., Деминцева Е.Б. (отв. ред.). Межрасовые и межэтнические отношения в современной Танзании. Труды Российской комплексной экспедиции в Объединенной Республике Танзания (сезон 2005 г.): Сб. ст. М.: ЛЕНАНД, 2008. С. 28–43.
- Afrobarometer: Tanzania Summary of Results 2017. <https://afrobarometer.org/sites/default/files/publications/Summary%20of%20results/tan_r7_sor_eng_14032018.pdf>.
- Alpers E.A.* Introduction: Slave Routes and Oral Tradition in Southeastern Africa // Zimba B., Alpers E.A., Isaacman A.F. (eds.). Slave Routes and Oral Tradition in Southeastern Africa. Maputo, Mozambique: Folsom Entertainment, 2005. P. 1–12.
- Alpers E.A.* Image and Reality of Arabs in East Africa // Journal of African Development. 2010. Vol. 12. No. 1. P. 38–51.
- Austen R.A.* The 19th Century Islamic Slave Trade from East Africa (Swahili and Red Sea Coasts): A Tentative Census // Slavery and Abolition. 1988. Vol. 9. No. 3. P. 21–44.
- Bakari M.A.* The Democratisation Process in Zanzibar: A Retarded Transition. Hamburg: Institut für Afrika-Kunde, 2001. 360 p.
- Bennett N.R.* A History of the Arab State of Zanzibar. L.: Harper & Row Publishers, 1978. 314 p.
- Collins R.O.* The African Slave Trade to Asia and the Indian Ocean Islands // African and Asian Studies. 2006. Vol. 5. No. 3–4. P. 325–346.
- Cooper F.* Plantation Slavery on the East Coast of Africa. Portsmouth, NH: Heinemann, 1977. 314 p.
- Croucher S.K.* Capitalism and Cloves, an Archaeology of Plantation Life on Nineteenth-Century Zanzibar. N.Y.: Springer, 2015. 256 p.
- Fouéré M.A.* Julius Nyerere, Ujamaa, and Political Morality in Contemporary Tanzania // African Studies Review. 2014. Vol. 57. No. 1. P. 1–24.
- Gerbeau H.* The Slave Trade in the Indian Ocean: Problems Facing the Historian and Research to Be Undertaken // The African Slave Trade from the Fifteenth to the Nineteenth Century. Reports and papers of the meeting of experts organized by UNESCO at Port-au-Prince, Haiti, 31 January to 4 February 1978. P.: Imprimeries Réunies de Chambéry, 1979. P. 184–207.
- Glassman J.* Feasts and Riot: Revelry, Rebellion and Popular Consciousness on the Swahili Coast, 1856–1888. L.: Heinemann, 1995. 239 p.
- Glassman J.* War of Words, War of Stones: Racial Thought and Violence in Colonial Zanzibar. Bloomington; Indianapolis: Indiana University Press, 2011. 414 p.
- Kake I.B.* The Slave Trade and the Population Drain from Black Africa to North Africa and the Middle East // The African Slave Trade from the Fifteenth to the Nineteenth Century. Reports and papers of the meeting of experts organized by UNESCO at Port-au-Prince, Haiti, 31 January to 4 February 1978. P.: Imprimeries Réunies de Chambéry, 1979. P. 164–174.

- Killian B.* The State and Identity Politics in Zanzibar: Challenges to Democratic Consolidation in Tanzania // *African Identities*. 2008. Vol. 6. No. 2. P. 99–125.
- Klein M.A.* Slavery: Mediterranean, Red Sea, Indian Ocean // Shillington K. (ed.). *Encyclopedia of African History*. N.Y.; L.: Fitzroy Dearborn, 2005. P. 1382–1384.
- Lofchie M.F.* Zanzibar: Background to Revolution. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1965. 330 p.
- Longair S.* Cracks in the Dome: Fractured Histories of Empire in the Zanzibar Museum, 1897–1964. N.Y.: Routledge, 2016. 338 p.
- Mbogoni L.E.Y.* Aspects of Colonial Tanzania History. Dar es Salaam: Mkuki na Nyota Publishers, 2012. 216 p.
- Nicolini B.* Makran, Oman and Zanzibar: Three-Terminal Cultural Corridor in the Western Indian Ocean, 1799–1856. Leiden: Brill, 2004. 180 p.
- Nurse D., Spear T.* The Swahili. Reconstructing the History and Language of an African Society, 800–1500. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1985. 160 p.
- Ogot A.B.* Population Movements between East Africa, the Horn of Africa and the Neighbouring Countries // *The African Slave Trade from the Fifteenth to the Nineteenth Century: Reports and papers of the meeting of experts organized by UNESCO at Port-au-Prince, Haiti, 31 January to 4 February 1978*. P.: Imprimeries Réunies de Chambéry, 1979. P. 175–182.
- Petterson D.* Revolution in Zanzibar. Boulder, CO: Westview, 2002. 304 p.
- Rhodes D.T.* History, Materialization, and Presentation of Slavery in Tanzania // *Journal of African Diaspora Archaeology and Heritage*. 2018. Vol. 7. No. 2. P. 165–191.
- Rockel S.J.* Forgotten Caravan Towns in 19th Century Tanzania: Mbwamaji and Mpwapwa // *AZANIA: Journal of the British Institute in Eastern Africa*. 2006. Vol. 41. No. 1. P. 1–25.
- Sheriff A.* Slaves, Spices, and Ivory in Zanzibar: Integration of an East Africa Commercial Empire in the World Economy, 1770–1873. L.: James Currey, 1987. 317 p.
- Sheriff A.* Localisation and Social Composition of the East African Slave Trade, 1858–1873 // *Slavery and Abolition*. 1988. Vol. 9. No. 3. P. 131–145.
- Sheriff A.* Slave Trade and Slave Routes of the East African Coast // Zimba B., Alpers E.A., Isaacman A.F. (eds.). *Slave Routes and Oral Tradition in Southeastern Africa*. Maputo, Mozambique: Folsom Entertainment, 2005. P. 13–38.
- Wynne-Jones S.* Recovering and Remembering a Slave Route in Central Tanzania // Lane P., MacDonald K.C. (eds.). *Slavery in Africa: Archaeology and Memory*. Oxford: Oxford University Press, 2011. P. 317–342.

Historical Memory about the Arab Slave Trade in Modern-Day Tanzania: Between Family Trauma and State-Planted Tolerance

Anastasia Banshchikova

Institute for African Studies
30/1 Spiridonovka Str., Moscow, Russia
Russian State University for the Humanities
6 Miusskaya Sq., Moscow, Russia
National Research University Higher School of Economics
21/4 Staraya Basmannaya Str., Moscow, Russia
senet_m_ta@mail.ru

Oxana Ivanchenko

Institute for African Studies
30/1 Spiridonovka Str., Moscow, Russia
Russian State University for the Humanities
6 Miusskaya Sq., Moscow, Russia
National Research University Higher School of Economics
21/4 Staraya Basmannaya Str., Moscow, Russia
ayleen@yandex.ru

The article discusses the results of field research conducted in Tanzania from August 24 to September 14, 2018, which focused on the historical memory of the Arab slave trade in East Africa and the Indian Ocean in the 19th century, as well as its influence on the interethnic relations in the country today. Structured and non-structured interviews (mostly in-depth) were conducted in Dar es Salaam, Bagamoyo and Zanzibar. In general, opinions were almost equally divided: half of the respondents were convinced that the relations were good overall, while the other half believed that there are some tensions. Since both positions are well-argued and substantiated, it is possible to trace a number of patterns in the people's perception. The history of the Arab slave trade lies between family trauma on the one hand, and tolerance, non-discrimination imposed by the state, on the other. Two ways of reproducing the historical memory largely oppose each other: the school system places the blame on Europeans, promoting peaceful interethnic relations, presenting the slave trade as an essential part of colonialism, and subsequently emphasizing the story of overcoming the colonial past; meanwhile, the oral tradition censors nothing and tells the history of the ancestors' suffering in its entirety. Thus, bearers of the oral tradition with a low level of education turn to be the most vulnerable category; they become the least tolerant to the Arab-Tanzanian part of the country's population.

Keywords: Tanzania, cultural (collective) trauma, representation and actualization of interethnic relations, construction of collective image, Arabs, slave trade.

Acknowledgements

The research is supported by the Russian Science Foundation, grant no. 18-18-00454 “Historical memory as a factor in the evolution of socio-political systems (Sub-Saharan Africa and Mesoamerica)”. The authors would particularly like to thank the anonymous reviewer for constructive comments and kind attention to this paper.

References

- Afrobarometer: Tanzania summary of results 2017. <https://afrobarometer.org/sites/default/files/publications/Summary%20of%20results/tan_r7_sor_eng_14032018.pdf>.
- Alpers E. A., ‘Introduction: Slave Routes and Oral Tradition in Southeastern Africa’, Zimba B., Alpers E. A., Isaacman A. F. (eds.), *Slave Routes and Oral Tradition in Southeastern Africa*. Maputo, Mozambique: Folsom Entertainment, 2005, pp. 1–12.
- Alpers E. A., ‘Image and Reality of Arabs in East Africa’, *Journal of African Development*, 2010, vol. 12, no. 1, pp. 38–51.
- Austen R. A., ‘The 19th Century Islamic Slave Trade from East Africa (Swahili and Red Sea Coasts): A Tentative Census’, *Slavery and Abolition*, 1988, vol. 9, no. 3, pp. 21–44.
- Bakari M. A., *The Democratisation Process in Zanzibar: A Retarded Transition*. Hamburg: Institut für Afrika-Kunde, 2001, 360 pp.
- Bennett N. R., *A History of the Arab State of Zanzibar*. London: Harper & Row Publishers, 1978, 314 pp.
- Bondarenko D. M., ‘Образование и толерантность в современной Танзании: этнорасовый и конфессиональный аспекты’ [Education and Tolerance in Contemporary Tanzania: The Ethno-racial and Religious Aspects], Korotaev A. V., Demintseva E. B. (eds.), *Mezhrasovye i mezhetnicheskie otnosheniya v sovremennoy Tanzanii. Trudy Rossiyskoy kompleksnoy ekspeditsii v Obyedinennoy Respublike Tanzaniya (sezon 2005 g.)* [Interracial and Interethnic Relations in Contemporary Tanzania. Publications of the Russian Complex Expedition to the United Republic of Tanzania (2005 Field Season)]. Moscow: LENAND, 2008, pp. 94–121. (In Russian).
- Collins R. O., ‘The African Slave Trade to Asia and the Indian Ocean Islands’, *African and Asian Studies*, 2006, vol. 5, no. 3–4, pp. 325–346.
- Cooper F., *Plantation Slavery on the East Coast of Africa*. Portsmouth, NH: Heinemann, 1977, 314 pp.
- Croucher S. K., *Capitalism and Cloves, an Archaeology of Plantation Life on Nineteenth-Century Zanzibar*. New York: Springer, 2015, 256 pp.
- Demintseva E. B., ‘Mezhetnicheskie otnosheniya na Zanzibare’ [Interethnic Relations in Zanzibar], Korotaev A. V., Demintseva E. B. (eds.), *Mezhrasovye i mezhetnicheskie otnosheniya v sovremennoy Tanzanii*.

- Trudy Rossiyskoy kompleksnoy ekspeditsii v Obyedinennoy Respublike Tanzaniya (sezon 2005 g.)* [Interracial and Interethnic Relations in Contemporary Tanzania. Publications of the Russian Complex Expedition to the United Republic of Tanzania (2005 Field Season)]. Moscow: LENAND, 2008, pp. 45–56. (In Russian).
- Demkina L. A., *Natsionalnye menshinstva v stranakh Vostochnoy Afriki* [Ethnic Minorities in East African Countries]. Moscow: Nauka, 1979, 285 pp. (In Russian).
- Dronova D. A., 'Indiytsy Dar-es-Salama' [Indians of Dar es Salaam], *Etnograficheskoe obozrenie*, 2014, no. 5, pp. 175–184. (In Russian).
- Fouéré M.-A., 'Julius Nyerere, Ujamaa, and Political Morality in Contemporary Tanzania', *African Studies Review*, 2014, vol. 57, no. 1, pp. 1–24.
- Gerbeau H., 'The Slave Trade in the Indian Ocean: Problems Facing the Historian and Research to Be Undertaken', *The African Slave Trade from the Fifteenth to the Nineteenth Century. Reports and papers of the meeting of experts organized by UNESCO at Port-au-Prince, Haiti, 31 January to 4 February 1978*. Paris: Imprimeries Réunies de Chambéry, 1979, pp. 184–207.
- Glassman J., *Feasts and Riot: Revelry, Rebellion and Popular Consciousness on the Swahili Coast, 1856–1888*. London: Heinemann, 1995, 239 pp.
- Glassman J., *War of Words, War of Stones: Racial Thought and Violence in Colonial Zanzibar*. Bloomington; Indianapolis: Indiana University Press, 2011, 414 pp.
- Halturina D. A., Korotaev A. V., 'Indotanzaniytsy' [Indotanzanians], Korotaev A. V., Demintseva E. B. (eds.), *Mezhrasovye i mezhetnicheskie otnosheniya v sovremennoy Tanzanii. Trudy Rossiyskoy kompleksnoy ekspeditsii v Obyedinennoy Respublike Tanzaniya (sezon 2005 g.)* [Interracial and Interethnic Relations in Contemporary Tanzania. Publications of the Russian Complex Expedition to the United Republic of Tanzania (2005 Field Season)]. Moscow: LENAND, 2008, pp. 28–43. (In Russian).
- Ivanchenko O., 'Tanzaniya: samosoznanie natsionalnoe i etnicheskoe' [Tanzania: National and Ethnic Consciousness], *Asia and Africa Today*, 2013, no. 6, pp. 53–59. (In Russian).
- Take I., 'The Slave Trade and the Population Drain from Black Africa to North Africa and the Middle East', *The African Slave Trade from the Fifteenth to the Nineteenth Century. Reports and papers of the meeting of experts organized by UNESCO at Port-au-Prince, Haiti, 31 January to 4 February 1978*. Paris: Imprimeries Réunies de Chambéry, 1979, pp. 164–174.
- Killian B., 'The State and Identity Politics in Zanzibar: Challenges to Democratic Consolidation in Tanzania', *African Identities*, 2008, vol. 6, no. 2, pp. 99–125.
- Klein M. A., 'Slavery: Mediterranean, Red Sea, Indian Ocean', Shillington K. (ed.), *Encyclopedia of African History*. New York; London: Fitzroy Dearborn, 2005, pp. 1382–1384.
- Kobishchanov Yu. M., *Istoriya rasprostraneniya islama v Afrike* [History of Propagation of Islamic Faith in Africa]. Moscow: Nauka, 1979, 223 pp. (In Russian).

- Korotaev A. V., Halturina D. A., 'Araby v Tanzanii' [Arabs in Tanzania], Korotaev A. V., Demintseva E. B. (eds.), *Mezhrasovye i mezhetnicheskie otnosheniya v sovremennoy Tanzanii. Trudy Rossiyskoy kompleksnoy ekspeditsii v Obyedinennoy Respublike Tanzaniya (sezon 2005 g.)* [Interracial and Interethnic Relations in Contemporary Tanzania. Publications of the Russian Complex Expedition to the United Republic of Tanzania (2005 Field Season)]. Moscow: LENAND, 2008, pp. 8–27. (In Russian).
- Lofchie M. F., *Zanzibar: Background to Revolution*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1965, 330 pp.
- Longair S., *Cracks in the Dome: Fractured Histories of Empire in the Zanzibar Museum, 1897–1964*. New York: Routledge, 2016, 338 pp.
- Lvova E. S., 'Indiyskaya obshchina: variant mira v usloviyakh etnokonfessionalnogo mnogoobraziya' [The Indian Community: A Variant of Peace within Ethno-Confessional Diversity], *Musulmane i khristiane v sovremennoy Tanzanii. Trudy uchastnikov rossiyskoy ekspeditsii* [Muslims and Christians in Contemporary Tanzania. Publications of the Russian Expedition]. Moscow: Institute for African Studies Press, 2005, pp. 116–146. (In Russian).
- Mbogoni L. E. Y., *Aspects of Colonial Tanzania History*. Dar es Salaam: Mkuki na Nyota Publishers, 2012, 216 pp.
- Nicolini B., *Makran, Oman and Zanzibar: Three-Terminal Cultural Corridor in the Western Indian Ocean, 1799–1856*. Leiden: Brill, 2004, 180 pp.
- Nurse D., Spear T., *The Swahili. Reconstructing the History and Language of an African Society, 800–1500*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1985, 160 pp.
- Ogot A., 'Population Movements between East Africa, the Horn of Africa and the Neighbouring Countries', *The African Slave Trade from the Fifteenth to the Nineteenth Century. Reports and papers of the meeting of experts organized by UNESCO at Port-au-Prince, Haiti, 31 January to 4 February 1978*. Paris: Imprimeries Réunies de Chambéry, 1979, pp. 175–182.
- Petterson D., *Revolution in Zanzibar*. Boulder, CO: Westview, 2002, 304 pp.
- Rhodes D. T., 'History, Materialization, and Presentation of Slavery in Tanzania', *Journal of African Diaspora Archaeology and Heritage*, 2018, vol. 7, no. 2, pp. 165–191.
- Rockel S. J., 'Forgotten Caravan Towns in 19th Century Tanzania: Mbwamaji and Mpwapwa', *AZANIA: Journal of the British Institute in Eastern Africa*, 2006, vol. 41, no. 1, pp. 1–25.
- Savateev A. D. (ed.), *Musulmane i khristiane v sovremennoy Tanzanii. Trudy uchastnikov rossiyskoy ekspeditsii* [Muslims and Christians in Contemporary Tanzania. Publications of the Russian Expedition]. Moscow: Institute for African Studies Press, 2005, 228 pp. (In Russian).
- Sheriff A., *Slaves, Spices, and Ivory in Zanzibar: Integration of an East Africa Commercial Empire in the World Economy, 1770–1873*. London: James Currey, 1987, 317 pp.
- Sheriff A., 'Localisation and Social Composition of the East African Slave Trade, 1858–1873', *Slavery and Abolition*, 1988, vol. 9, no. 3, pp. 131–145.
- Sheriff A., 'Slave Trade and Slave Routes of the East African Coast', Zimba B., Alpers E. A., Isaacman A. F. (eds.), *Slave Routes and Oral Tradition in*

- Southeastern Africa*. Maputo, Mozambique: Folsom Entertainment, 2005, pp. 13–38.
- Wynne-Jones S., 'Recovering and Remembering a Slave Route in Central Tanzania', Lane P., MacDonald K. C. (eds.), *Slavery in Africa: Archaeology and Memory*. Oxford: Oxford University Press, 2011, pp. 317–342.
- Zhel'tov A. Yu., 'Suakhili' [Swahili], Kasevich V. B. (ed.), *Grammatika i semantika vostochnogo teksta. Kvantitativnye kharakteristiki* [Grammar and Semantics of Eastern Text. Quantitative Features]. St Petersburg: RCHA Press, 2011, pp. 145–156. (In Russian).
- Zhukov A. A., *Suakhili: Yazyk i literatura* [Swahili: Language and Literature]. St Petersburg: St Petersburg University Press, 1997, 350 pp. (In Russian).